

**Александр Лихоталь. Вначале, как всегда, было Слово.
Слово о возможности другого мира.**

В преддверии юбилея Михаила Сергеевича Горбачева было опубликовано множество статей, посвященных его достижениям, ошибкам - всему, что было им сделано. На меня произвел впечатление странный лейтмотив: «гений поражения», «блистательное поражение», «бессмертие в облике неудачи» и так далее. Но поражение или неудача происходят тогда, когда наобещал и не выполнил. Разве Горбачев обещал построить коммунизм? Или догнать и перегнать Америку? ...

Он говорил про общечеловеческие ценности. В результате перестройки сотни миллионов людей получили свободу. То, как они ею воспользовались, говорит не о поражении Перестройки, а об извечной проблеме - свобода и ответственность за выбор.

Свобода - не благодатное состояние, а процесс работы над собой, постоянной рефлексии над собственным выбором, над своей ответственностью за сделанный выбор. Вспоминаю, как Раиса Максимовна Горбачева однажды спросила, можно ли сделать свободным человеком того, кто несвободен внутри...

Горбачев сказал когда-то: Процесс пошел. С окончанием холодной войны начался новый отсчет времени в международных отношениях. Именно это запустило процесс трансформации - конечно, с опорой на новые технологические возможности, глобализацию экономических связей.

Но вначале как всегда, было Слово. Слово о возможности другого мира. Впервые оно прозвучало в феврале 1986 года,

когда Горбачев делал доклад на XXVII съезде КПСС. Именно тогда он заговорил о необходимости революции мышления. Позже, в 1988 г., в книге Горбачева «Перестройка и новое мышление» контуры этого мира были развернуты уже в деталях: приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми ценностями, отказ от классовой борьбы, деидеологизация внешней политики, доведенная до констатации: безопасность может быть только взаимной. Разве что-нибудь устарело из сказанного тогда Горбачевым? Разве что-то потеряло актуальность в XXI веке? Да, это по-прежнему вопрос будущего. Но разве способность услышать зов будущего перестала быть заслугой перед человечеством?

Перечитывая книгу «Перестройка и новое мышление», я вспоминаю Лютера и его 95 тезисов, которые, согласно легенде, в 1517 году он прибил к воротам замковой церкви в Виттенберге. После этого мир уже не смог остаться прежним. Лютер только пунктиром обозначил, каким должно стать христианство, чтобы не остаться в прошлом. Впереди был долгий путь, пока его идеи смогли воплотиться в политике. Больше ста лет прошло после этого до подписания Вестфальского мира (1648) .

Горбачев, как и Лютер, был правоверным еретиком. Его идеи тоже стали интеллектуальным прорывом. Так что можно сказать, что современная реформация разворачивается, ускоряя бег времени. Посмотрите: мир постхолодной войны превратился в мир пост-постхолодной войны. Сегодня говорят о мире постковида. Мы не успеваем найти соответствующие термины, чтобы описать состояние сегодняшнего мира.

Скептически отношусь к утверждениям о том, что мир радикально изменится после нынешнего кризиса. Мир всегда непрерывно трансформируется и никогда не меняется резко и одномоментно. Нынешний кризис является не столько поворотным пунктом, сколько катализатором, активатором перемен, начавшихся давно. Трудность состоит в том, что существующая система и институты глобального управления были созданы для решения проблем XIX и XX веков. В сегодняшнем цифровом мире прежние структуры не могут работать со скоростью Интернета. Две тысячи лет назад весь Pax Romana был обречен как динозавр, мозг которого оказался слишком мал для его огромного тела. Нынешняя мировая система сталкивается с аналогичной проблемой. В своих «Тюремных тетрадах» итальянский философ Антонио Грамши писал: «Кризис состоит именно в том, что старое умирает, а новое не может родиться». И в этом междуцарствии (Грамши использовал слово *Interregnum*) появляется множество болезненных симптомов. В каком-то смысле это вполне адекватное описание современного мира. Именно поэтому в период *Interregnum*, в котором старые системы и практики препятствуют появлению нового, все больше и больше происходит снижение управляемости, нарастает кризис лидерства. Мировая политика все более определяется внутренними проблемами стран, а не вызовами глобальной трансформации. Точнее говоря, ответы стран на эти вызовы все более становятся следствием внутренних сбоев, обостряя международные противоречия и все более затрудняя разрешение возникающих проблем. Достаточно вспомнить США последних четырех лет, инструменты поддержания стабильности, используемые авторитарными

режимами, роль внутренней повестки дня в Brexit и т.д. Глобальная неопределенность и тревога грозят множеством бедствий, вплоть до усиления опасности новой мировой войны.

Если существующие конфликты выйдут из-под контроля, в них будет задействовано все больше стран и оружия. Одно из недавно проведенных исследований показало, что 60% нынешних войн - от Афганистана до Ливии, от Сирии до Конго - длились не менее десяти лет. В Сирии весной 2011 года, все началось как локальное гражданское противостояние, которое переросло в многосторонний, многоуровневый вооруженный конфликт, втягивающий все новых участников. Гражданская война в Ливии продолжается уже седьмой год. В Афганистане после советского вторжения 1979-го года конфликт то и дело выходит из латентных форм и бушует с новой силой. Не буду продолжать перечисление.... Это всего лишь некоторые примеры тех регионов мира, где идея «войны без конца», кажется общепринятой и даже нормализованной.

Задаю себе вопрос: свидетельствует ли все это о банкротстве идей нового политического мышления? Вряд ли. Но в основе этих процессов лежат противоречия, вскрывшиеся сегодня. Противоречия между разновекторным взаимодействием национальных интересов во всем их внутреннем разнообразии, властными отношениями и растущей необходимостью совместного решения проблем. Пока, судя по политическим ответам на пандемию и ее последствия, мы снова становимся свидетелями попыток перетасовать основные элементы послевоенного мирового порядка.

Между тем в политику уже входят новые субъекты. Конечно, государство пока сохраняет монополию в определенных областях. Но негосударственные субъекты играют все более важную роль. Этого невозможно не замечать. Датское правительство учредило недавно пост посла, ответственного за отношения не с иностранными государствами, а с корпорациями. Цифровой посол Дании будет способствовать развитию отношений между Данией и Apple, Google, Microsoft. Французы тоже в 2019 году последовали этому примеру. Кампании, работающие с большими данными, такие как Google, Facebook и т.д., - не государство, даже не национальная социальная сеть - стали главными попечителями социальной реальности. Они уже взяли на себя многие функции, ранее принадлежавшие государству. Так, сегодня мы пользуемся картами, которые выпустило не государство, а Google... То же относится и к видеослежению. Сегодня люди все чаще решают социальные проблемы через гражданское общество и используют социальные сети в качестве основного инструмента. В 2021 году Facebook достиг цифры - почти 3 млрд. пользователей. Это создает основы для де-факто глобального гражданства и социальных действий. Но это, безусловно, подрывает репрезентативную модель демократии, выдвигает на первый план вопрос о том, как приспособить ее к новым условиям.

Субнациональные структуры, мегаполисы, провинции, регионы, обладающие цифровыми технологиями, способные реагировать быстрее, чем государство, неизбежно будут заключать свои собственные торговые соглашения, как и соглашения, касающиеся, например, вопросов здравоохранения или связанных с изменением климата и т.д.

.. Фактически, они уже начали это делать. В новых структурах глобального управления может быть гораздо больше заинтересованных сторон, чем уже упомянутые. Мы переживаем сейчас период времени, который выглядит как глубокий фазовый сдвиг истории. Мир стоит на пороге системной перезагрузки. Идеи нового политического мышления не должны потеряться в этом новом мире. Истинное, преобразующее значение нового мышления состоит в том, чтобы «откупорить» будущее, выпустить этого джина из бутылки, а не пытаться перелицевать или реанимировать прошлое.

... Ответ Лютера иерархам церкви, требовавшим, чтобы он отказался от своих идей, гласит: «На том стою и не могу иначе». Так и Горбачев. Он и в 90 лет остается верен себе. Недавно, по словам общего знакомого, во время обеда подняли рюмки, ждут, когда Михаил Сергеевич скажет тост. Горбачев говорит: Подождите, придет время, я и в ООН выступлю. А сейчас послушайте мою речь: Запретить войну! Оказавшись в точке исторического слома, Горбачев стал актором перемен. На этой волне он уже вошел в историю, как бы ни старались его критики и противники доказать обратное.